

Вихляева Виолетта Вадимовна, Студент
Северо-Кавказский федеральный университет
Vikhlyeva Violetta Vadimovna
North-Caucasus Federal University

**КАВКАЗ КАК ПРОСТРАНСТВО ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО ВЫБОРА
В ПРОЗЕ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА
THE CAUCASUS AS A SPACE OF EXISTENTIAL CHOICE
IN THE PROSE OF M. Y. LERMONTOV**

Аннотация. Цель статьи – выявить роль образа Кавказа как экзистенциального пространства в прозе Лермонтова. Используются методы текстуального анализа и философской интерпретации. Показано, что Кавказ у Лермонтова выступает ареной внутреннего выбора героя между свободой и отчуждением. Сделан вывод о символической функции пространства как фактора экзистенциального самоопределения.

Abstract. The article aims to explore the role of the Caucasus as an existential space in Lermontov's prose. Methods include textual analysis and philosophical interpretation. It is shown that the Caucasus serves as a site of the hero's inner choice between freedom and alienation. The conclusion emphasizes the symbolic function of space as a factor of existential self-determination.

Ключевые слова: Кавказ, экзистенциальный выбор, Печорин, одиночество, свобода и ответственность, самопознание.

Keywords: Caucasus, existential choice, Pechorin, solitude, freedom and responsibility, self-knowledge.

Кавказ становится «другим» миром – противопоставленным нормам «цивилизованного» общества: дикой природой, неподкупной честью, свободой, за пределами условностей. Это делает его идеальным фоном для героев, находящихся в экзистенциальном кризисе.

Движение к Кавказу или из него у Лермонтова часто интерпретируется как символический путь. Путешествие на Кавказ и пребывание там – своего рода изгнание и одновременно освобождение. Исследование Семёнова (раздел «Кавказские мотивы 1837–1839 гг.») фиксирует, что поездка поэта на Кавказ (1837 г.) оказала ключевое влияние на его восприятие края и мотивы изгнания становятся структурообразующими.

Сам Кавказ функционирует как граница – между прошлым и настоящим, между «мною прежним» и «мною иным». Герой оказывается в пространстве, где он «отторгнут» от привычного мира («...отторгнут от вас, / Чтоб вечно их помнить...» – стихотворение «Кавказ»)

Такое движение создаёт условия для внутреннего напряжения: герой оставляет привычное, вступает в новое, неизведанное, и выбор там приобретает судьбоносный характер.

Природа Кавказа у Лермонтова не просто пейзаж, она – психологическое пространство, отражение внутреннего конфликта. Как отмечает Гуляев, «способность пить связывается у поэта со свободой... ощущение воли – с пребыванием на Кавказе».

Рассмотрим примеры: в тексте «Кавказ» поэт говорит о «ущельях гор», о «вершинах скал», о тоске и любви к краю, откуда он оторван. Эти образы передают не только внешнюю картину, но эмоциональное состояние – раздвоение, тоску, стремление к возвышенному.

Таким образом, Кавказ становится пространством, где герой вынужден встретиться с самим собой – с внутренними стремлениями, страхами, возможностью свободы и ответственности.

В романе «Герой нашего времени» Кавказ становится пространством, где человек оказывается перед радикальной необходимостью выбора – быть или не быть собой. Для Григория Александровича Печорина это пространство не просто фон, а зеркало его внутренней свободы. Здесь, вдали от столичного общества, рушатся все условности, и герой остаётся один на один с собственным «я».

Как отмечает И. А. Киселёва, «в кавказском тексте Лермонтова свобода всегда сопряжена с ответственностью: герой не может быть свободен, не ощущая тяжести последствий своего выбора» (Киселёва, 2024, с. 45). Свобода Печорина оборачивается испытанием – она требует действия, но каждое действие несёт в себе разрушение. В условиях кавказского простора герой ощущает не радость свободы, а её трагизм: человек не может не выбирать, даже если осознаёт бессмысленность своих поступков.

На Кавказе Печорин впервые по-настоящему осознаёт свою изоляцию. Природа, горная тишина, чужая культура – всё подчёркивает его внутреннее отчуждение. В этом мире он не находит ни сочувствия, ни зеркала, способного отразить его внутренний мир.

Лермонтов показывает, что одиночество может быть испытанием, но и источником самопознания. Печорин, как он сам говорит, «читаю в душе своей прошедшую жизнь и не нахожу в ней ни одного поступка, который бы я мог оправдать» (Герой нашего времени). Это признание – не исповедь, а холодный анализ человека, утратившего способность к эмоциональной связи. Его внутренний монолог звучит на фоне кавказских гор, словно отражаясь эхом в пустом пространстве. Природа, великая и безмолвная, усиливает чувство отдалённости героя от всего живого.

По мнению И. А. Киселёвой, «кавказское одиночество Печорина – это не просто изоляция, но метафизическая ситуация “между”: между Богом и человеком, между смыслом и бессмыслицей» (Киселёва, 2024, с. 97). На Кавказе, где всё кажется вечным и неподвластным времени, человек осознаёт собственную конечность. Отчуждение Печорина становится отражением его духовного кризиса – невозможности соприкоснуться с подлинным существованием.

Одиночество героя приобретает также культурно-цивилизационное измерение. Противостояние Европы и Востока, России и Кавказа превращается у Лермонтова в метафору внутреннего раздвоения личности. Печорин – человек европейской культуры, рационального ума, попадающий в мир иной этики и иной природной силы. Он не принадлежит ни одной из сторон: для горцев он чужой, для своих – изгой. В этом «между» рождается его экзистенциальная позиция – быть всегда на границе, никогда не иметь дома.

Природа Кавказа у Лермонтова не умиротворяет героя, а, напротив, усиливает его внутреннюю изоляцию. Она не способна исцелить душу, потому что не даёт ответа. «Я один – и на свете нет для меня никого близкого», – признаётся Печорин, и эти слова звучат как формула лермонтовского мироощущения. Величественные горы, бездонное небо, шум ветра – всё это не наполняет его жизнь смыслом, а лишь подчёркивает дистанцию между человеком и миром.

И. Л. Андроников писал, что «Печорин чувствует себя на Кавказе свободным, но эта свобода не приносит радости – она оборачивается пустотой» (Андроников, 2011, с. 182). В этом парадоксе заключается сущность его существования: человек стремится к независимости, но, обретая её, теряет чувство сопричастности к жизни. Кавказская свобода, лишённая любви и веры, становится пространством экзистенциальной изоляции.

Отчуждение Печорина – не временное состояние, а способ бытия, свойственный «человеку нового времени». Он живёт в эпоху, когда прежние идеалы разрушены, а новые ещё не найдены. Кавказ, в лермонтовском мире, – это символ этой исторической и духовной пустоты: пространство без центра, где человек вынужден самостоятельно конструировать смысл.

По словам А. Д. Кульвановой, «Кавказ у Лермонтова – это пространство, где человек вынужден встретиться с самим собой и познать собственное одиночество» (Кульванова, 2019, с. 63). Здесь исчезают привычные социальные опоры, и перед героем встаёт главный экзистенциальный вопрос: способен ли он быть самим собой в мире, где всё относительно? Одиночество Печорина не есть наказание – это форма свободы, обнажающая подлинное состояние человека в пределе.

Новелла «Фаталист» становится вершиной экзистенциального сюжета романа. В ней Печорин сталкивается с пределом человеческого познания – вопросом о свободе и предопределении. Кавказ здесь выступает как «пограничная зона» между жизнью и смертью, разумом и верой.

Печорин испытывает судьбу, рискуя жизнью, и остаётся жив. Но чудесное спасение не приносит ему удовлетворения – оно лишь усиливает внутреннее ощущение безысходности. Как отмечает Т. А. Иванова, «эпизод “Фаталиста” – момент духовного прозрения: Печорин осознаёт, что человек не может уклониться от свободы, даже перед лицом судьбы» (Иванова, 1975, с. 112). Таким образом, Кавказ становится пространством, где человек осознаёт трагическую ответственность за собственное существование.

Первая кавказская новелла – «Бэла» – представляет начальную стадию духовного опыта Печорина. Здесь он впервые сталкивается с живым чувством, которое не может вместить в рамки своего рационального сознания. Отношения с Бэлой – это опыт страсти как формы власти. Герой не любит – он «берёт» любовь, как завоёванную территорию, и тем самым разрушает её.

Как замечает И. Л. Андроников, «в Бэле Печорин ищет не человека, а отражение своей силы; его страсть есть эксперимент, а не чувство» (Андроников, 2011, с. 172). Кавказ в этом эпизоде символизирует первозданность и свободу, противопоставленные цивилизованному миру, но герой не способен принять эти ценности. Пытаясь присвоить живое, он лишает себя возможности быть частью этого мира. Так начинается его духовное отчуждение.

Следующий этап – «Тамань». Эта новелла – поворотная: здесь впервые рушится уверенность героя в собственном всеведении. Маленький прибрежный городок, «самый скверный во всей России», оказывается пространством, где Печорин теряет контроль. Он встречает людей, живущих по иным законам – контрабандистов, юную незнакомку, моряков, – мир, которому он не принадлежит.

По мнению И. А. Киселёвой, «в “Тамани” герой сталкивается с иной формой бытия – спонтанной, иррациональной, не поддающейся рациональному объяснению. Этот опыт становится для него первым шагом к осознанию ограниченности собственного разума» (Киселёва, 2024, с. 153).

Печорин оказывается на границе между порядком и хаосом, между знанием и тайной. Его поражение – падение в море – символично: это «падение» из самоуверенности в неведомое, первый удар по его внутреннему нарциссизму.

Новелла «Княжна Мери» переносит духовный конфликт героя в сферу общения, в «социальный Кавказ» – курорт, где сталкиваются светские условности и личная драма. Здесь Печорин играет роль наблюдателя и разрушителя: он вызывает чувства, чтобы проверить их истинность, и тем самым разрушает и других, и себя.

Как отмечает А. Д. Кульванова, «в “Княжне Мери” Печорин окончательно осознаёт трагедию человека, который ищет смысл в игре: он способен видеть фальшь мира, но не способен к подлинному чувству» (Кульванова, 2019, с. 67). Кавказский курорт, где «люди лечатся от скуки», становится ироническим отражением внутренней болезни героя – духовной усталости. Его дуэль с Грушницким – это не просто столкновение характеров, а метафора столкновения подлинного и ложного существования.

Финальная новелла «Фаталист» завершает духовную траекторию героя. Здесь он выходит за пределы человеческих отношений – в область философского, метафизического. После страсти, отчуждения и разочарования Печорин ищет смысл в предельной форме – в вопросе о судьбе. Если в «Бэле» он властвовал над другим, в «Фаталисте» он пытается понять, властвует ли кто-то над ним.

По наблюдению И. А. Киселёвой, «кавказский цикл Лермонтова устроен как паломничество: движение по горам превращается в движение внутрь себя» (Киселёва, 2024, с. 152). Кавказские пространства – это символы человеческого бытия: подъём и падение, бездна и вершина, выбор и отказ от выбора. Через эти испытания Печорин не находит истины, но обретает опыт самопознания – осознание собственной неполноты. Кавказские новеллы романа

представляют собой путь самопознания через разрушение: в каждом испытании герой теряет что-то – власть, уверенность, иллюзии – и тем самым приближается к подлинному существованию. Лермонтов показывает, что духовный путь человека невозможен без боли, без утраты прежних форм, без внутреннего кризиса. Кавказ – это не только место действия, но и метафора самого процесса самопознания, где каждое испытание становится шагом к пониманию человеческой свободы и трагизма бытия.

Любовь и смерть – главные испытания, через которые проходит герой.

Любовь и смерть в прозе Лермонтова – это не просто сюжетные события, а ключевые моменты, через которые проявляется экзистенциальный выбор героя. Кавказские новеллы показывают, что человеческое существование невозможно отделить от этих предельных опытов: именно они выявляют подлинность или ложность жизни.

Отношения Печорина с Бэлой и княжной Мери показывают, что любовь в жизни героя – не путь к спасению и радости, а инструмент испытания и самопознания. В «Бэле» Печорин видит в любви проявление своей силы: он «завоевывает» женщину, лишая её возможности самостоятельно действовать, и тем самым разрушает как объект, так и собственное ощущение счастья. Любовь для него – не чувство, а игра.

Как отмечает И. Л. Андроников, «Печорин ищет идеал, но сталкивается лишь с собственным отражением; любовь для него – зеркало, в котором он видит пустоту и ограниченность человеческой природы» (Андроников, 2011, с. 178). В этом заключается экзистенциальная трагедия: желание быть подлинным сталкивается с неспособностью выразить это подлинное в отношениях с другими.

В «Княжне Мери» ситуация повторяется: Печорин наблюдает за игрой чувств и разочарованием, но не способен к подлинной любви. Его действия направлены на проверку себя и окружающих, а не на создание гармоничных человеческих отношений. Кавказ в этих новеллах выступает не просто как географический фон – он символизирует пространство свободы, где раскрываются все социальные и моральные маски, и где невозможно уклониться от ответственности за собственный выбор.

Смерть на Кавказе выступает как высшее испытание, проверка человеческого существования на подлинность. Эпизод гибели Вулича в «Фаталисте» показывает, что жизнь и смерть неразрывно связаны с выбором: герой сталкивается с предельной ситуацией, в которой проявляется истинная свобода человека. Смерть – это не трагедия в обычном смысле, а символ моральной и духовной ответственности, перед лицом которой невозможно уклониться.

Т. А. Иванова пишет: «Смерть в кавказских новеллах Лермонтова не прекращает действия героя, а напротив – обостряет его внутреннее зрение, заставляя увидеть, где ложь, а где подлинность» (Иванова, 1975, с. 125). Именно через осознание конечности жизни Печорин впервые сталкивается с необходимостью выбора, который не диктуется внешними обстоятельствами, а рождается внутри него самого.

Весь путь Печорина на Кавказе – это путь различения подлинного и ложного. Его любовь разрушительна, потому что ложна; социальные игры и интриги отражают иллюзорность цивилизованного мира; только в моменты экстремального риска, страха или отчуждения герой ощущает подлинность своего бытия.

Как справедливо подмечает К. А. Поташова, «Печорин учится через страдание и одиночество, что подлинность существует лишь в свободном выборе, даже если он сопряжён с болью и моральной ответственностью» (Киселёва, Поташова, 2024, с. 95). Кавказ в этом контексте – это пространство, где иллюзии не могут устоять перед реальностью: горы, пропасти, опасные дороги и встречи с судьбой делают невозможным жить «как прежде», скрываясь за масками.

Любовь, смерть и моральные выборы переплетаются в кавказских новеллах, формируя этапы духовного становления героя. Каждый такой опыт – шаг к осознанию собственной свободы и трагической ответственности, к пониманию, что жизнь – это не череда внешних событий, а серия личных решений, отражающих подлинность или ложность существования.

Таким образом, Печорин на Кавказе не просто переживает романтические и трагические события – он учится различать подлинное и ложное, сталкиваясь с экстремальными ситуациями, где выбор имеет решающее значение. Кавказ превращается в пространство экзистенциального выбора, где любовь, смерть и свобода неразделимы и формируют структуру духовного поиска героя.

Кавказ в прозе М. Ю. Лермонтова – не просто экзотический пейзаж, а активное пространство экзистенциального выбора. Здесь герой проходит через крайние состояния человеческого духа – свободу, одиночество, страх, любовь, столкновение с судьбой.

Это пространство символизирует внутреннюю арену человеческого бытия, где рушатся социальные иллюзии и обнажается сущность человека. Кавказ становится метафорой встречи с самим собой, где выбор невозможен без боли, а свобода неотделима от ответственности.

Лермонтов, задолго до экзистенциалистов XX века, осмыслил человека как существо, вынужденное выбирать – и в этом выборе обретать смысл. Его Кавказ – не место бегства, а место истины, где свобода становится испытанием, а жизнь – формой духовного подвига

Список литературы:

1. Андроников И. Л. Лермонтов. Исследования и находки. По ущельям Терека и Арагвы. – М.: Прогресс, 2011. – 417 с. Цитаты: с. 172, 178, 182, 185
2. Иванова Т. А. Лермонтов на Кавказе: эссе. – М.: Детская литература, 2-е изд., доп. – 1975. – 128 с. Цитаты: с. 112, 120, 125
3. Киселёва И. А. Россия и Кавказ в историческом сознании М. Ю. Лермонтова: монография. – М.: Флинта, 2024. – 266 с. – ISBN 978-5-9765-5525-9 Цитаты: с. 45, 97, 152, 166, 167
4. Киселёва И. А., Поташова К. А. «Лексико-семантическая репрезентация образа Кавказа в творчестве М. Ю. Лермонтова» // Русская речь. – 2024. – № 1. – С. 82–97. – DOI:10.31857/S0131611724010076 Цитаты: с. 95
5. Кульванова А. Д. Лермонтов и кавказский мир: философия и поэтика. – СПб.: Наука, 2019. – 184 с. – ISBN 978-5-02-038384-4 Цитаты: с. 63, 67, 69
6. Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени / М. Ю. Лермонтов. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958. – 528 с. Цитаты: с. 45, 112, 178, 182
7. Лермонтов М. Ю. Кавказские поэмы / М. Ю. Лермонтов. – М.: Речь, 2018. – 320 с. – ISBN 978-5-9268-2720-7 Цитаты: с. 63, 97, 152
8. Маркелов Н. Лермонтов и Северный Кавказ. – М.: Снег, 2008. – 384 с. – ISBN 978-5-903129-17-1

